

СОХРАНИТЬ В СЕБЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Павел Васильевич Бондарик участвовал в боях под Сталинградом, освобождал Белград, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Кировоград, форсировал Днепр, Дунай, прошагал по городам Болгарии, Югославии, Венгрии, Румынии. Закончил свой боевой путь, начатый в особом лыжном батальоне в Карелии, за границей — в Австрии. Родина удостоила его орденов Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.». В послужном списке 14 благодарностей от Верховного Главнокомандования.

После войны вернулся домой на свое прежнее рабочее место и отработал 55 лет сначала слесарем, затем бригадиром в локомотивном депо.

Стальная птица коршун парила в воздухе, высматривая жертву. Громядина с фашистской свастикой на борту снижалась, кружила над полем, пригибала к земле. Казалось: вот-вот обожжет горячее дыхание мотора, и машина раздавит, сотрет с земли. Силуэт немецкого летчика хорошо просматривался сквозь ветровое стекло кабины. Но фашист медлил: не стрелял. Загнав в траншею, качнул крыльями и скрылся вдали.

Были ли у него патроны? Почему он так ни разу и не выстрелил? Столько лет прошло, но этот маленький эпизод из фронтовой жизни не стирается в памяти, не дает покоя. Было бы глупо ждать, когда пуля фашиста застигнет тебя посреди поля. Но я почувствовал, что немец хотел бы унизить мое достоинство. Он словно упивался тем, что может наслаждаться своим могуществом, силой, неуязвимостью. Как сытый кот забавляется с пойманным мышонком, не отпуская, но и не причиняя ему

вреда, так и немец играл с человеком. Только цена в этой игре — жизнь.

В газетах в последнее время появляются публикации о фашистских группировках в Ленинграде, Казани, других городах. Никогда не смогу понять молодых людей, украшающих свою одежду свастикой, раскрашивающих лица фашистской символикой, рисующих портреты Гитлера, выкрикивающих провозглашенные им лозунги. А ведь это наши дети, воспитанные нами. Но язык не поворачивается назвать их людьми.

Человеческая память может не сохранить какие-то даты, названия городов, деревень, имена, но то, что с ними связано, выстрадано, пережито — останется. Разве забудешь разоренные, сожженные врагом деревни под Москвой? Березовую рощу под Можайском с истерзанными телами? Что может быть изощреннее попытки привязать человека между двух гибких ствол? От боли сжимается сердце, при воспоминании о лаге-

В зале городского исторического музея прошла торжественная встреча однопольчан легендарного 849-го полка 303-й стрелковой дивизии.

Первый бой полк принял 19 июня 1942 года под Воронежем, а закончил свой боевой путь под Прагой.

Нелегкой ценой была завоевана победа — из двух тысяч топкинцев ее встретила едва половина состава полка, а до этого дня, когда в городской музей, спустя десятилетия, вернулось овеянное славой Красное знамя, дожили только 40 фронтовиков. На торжественную встречу смогли прийти восемь однопольчан. Вспоминали на ней ветераны о сражениях, о по-

(Окончание на 3 стр.)

На снимке: (слева направо) верхний ряд — П. К. Лозовик, В. С. Пожидаев, И. Г. Куприянов, М. А. Золотарева; нижний ряд — М. П. Фоменкова, М. И. Томалева, Н. М. Касьянова, А. С. Солохина.

ре советских военнопленных под Сталинградом. Страшные картины издевательств над человеком. Изможденные, высохшие тела наших солдат, усыпанные вшами. Многих из них так и не удалось довести. Или пятьдесят тысяч евреев, уничтоженных немцами в Харькове перед приходом в город советских войск?!

Много написано о войне, о ее страшных кровавых страницах, и, наверное, последнее слово еще не сказано. Есть и рассуждения о том, что иногда высота, не имеющая важного политического и стратегического значения, овладевалась ценой огромных

потерь. Может, оно и так. Только никто не шадил себя. Иногда подумаешь, как страшно было, а выжили.

Сколько легенд сложено о фронтовом братстве! А ведь нельзя было иначе. Дождь, снег, слякоть, а ты идешь, и кажется, нет сил, а все равно вперед и вперед. Ждали русских солдат-освободителей. Помню, как в одной деревне в Югославии дорогу выстелили коврами перед приходом наших войск.

Боялись нас немцы. Может, поэтому распускали самые невероятные слухи о нашей стране. Почему-то сибиряков расписывали черными, мохнатыми, по-

хожими на чертей, да к тому же питающимися людьми. Однажды обратился ко мне румын. По-русски говорил хорошо, заинтересовался:

— Покажи мне сибиряка, — изобразил руками, дескать, такой огромный, лохматый. Добавил, — Они правда людей едят?

Ответил ему: «Смотри, я и есть». Не поверил, засмеялся. Смешно.

Прошло время, но не забываются горячие атаки, когда криком разрывало рот, трудные переходы, когда обедали в строю. Запомнилось сражение под Будапештом. Двенадцать танковых дивизий бросили немцы на наш полк. Очу-

тились словно в каменном мешке. И расстояние всего километров двадцать в длину да десять в ширину, а столько техники сосредоточено! Здорово потрепала наши ряды эта встреча.

Многое пришлось пережить за войну. Перешагнуть через кровь и смерть близких друзей. Не забудут никогда раны, оставленные войной, будут кровоточить пока мы помним о тех, кто погиб, защищая Родину. Пока мы помним героев, они будут жить, забыть обо всем — значит перестать быть человеком.

П. БОНДАРИК,
ветеран Великой Отечественной войны.